

Энди Байфорд
Создавая «модерность»

Andy Byford
Doing “Modernity”

Мы все, насколько нам по силам,
Даруем жизнь мечте своей...

*Жан де Лафонтен.
«Ваятель и статуя Юпитера»
(Басни, Книга IX, басня 6)¹⁷*

Понятие «модерность» не следует превращать в инструмент «теории», который затем мог бы применяться историками в анализе внутренней природы определенного социума или идеологии и служить, таким образом, для оценки их места в Мире и судеб в Истории. «Модерность» выражает определенное *воображаемое Истории*. «Модерность» *создается* — она разыгрывается и воплощается в конкретных дискурсах, замыслах, действиях, опыте и событиях, как способ претворить в жизнь воображаемые отношения «я» и Других в Истории и по отношению к ней. В этом плане историки тоже создают «модерность», т.е. вводят ее в действительность собственными профессиональными средствами, через нарративное толкование или историографическое «теоретизирование».

Создавать «модерность» — значит постулировать определенные «истины» и занимать определенные этические позиции; этот процесс включает в себя (явное или подразумеваемое) определение норм поведения или мышления и критериев того, что следует считать отклонением от них или их нарушением. Он подразумевает перформативный акт воображения исторических путей (как спасительных, так и кошмарных) и оценку места своего «я» и Других на этих путях.

Таким образом, способы создания «модерности» *неизбежно и непротиворечиво множественны и разнообразны*. Поэтому «широта» этого понятия — поскольку оно образуется скорее из многих «актов создания», чем на основе априорного умозаключения (представляющего собой лишь одно из возможных «созданий»), — заложена в нем по определению. «Модерность» можно создавать даже через «архаичное», «антисовременное» или «неотрадиционалистское», когда они составляют часть перформативной диалектики определенного воображаемого Истории. С этой точки зрения взаимосвязанность и переплетения разнообразных форм и очертаний «модерности» через пространственные, временные и ситуативные границы не подлежат сомнению.

Важно, однако, проанализировать, *как именно* сложная динамика множества взаимосвязанных «созданий» «модерности» разыгрывается в конкретных исторических ситуациях, институциональных сферах и областях деятельности,

---

17 Пер. с франц. О. Чюминой.

конкретными индивидами, группами и обществами, в национальном и (неизменно) транснациональном плане. Это подразумевает вопрос: как различные способы «введения в действительность» определенного воображаемого Истории (а также места Себя и Других в ней) могут быть связаны через различные контекстуальные рамки и как в процессе изменяются (или не изменяются) их смысл, структура и содержание?

Очень желательно, чтобы специалисты по истории России и Советского Союза участвовали в обсуждении «модерности» в обозначенном выше смысле — как множества взаимно переплетенных перформативных установок, — опираясь на конкретные исторические данные и варианты интерпретации российского и советского общества, политики и культуры, которые они могут вписать в общий контекст всемирной истории. Однако, как мы видим из историографического обзора и эвристической типологии научных работ по этой теме, приведенных Майклом Дэвид-Фоксом, историки России и СССР, размышляя о «модерности», большей частью интересуются следующими аспектами:

а) оценкой того, полезно или нет это понятие в рамках попытки истолковать отдельные явления русско-советской истории;

б) определением характера «модерности» в России или Советском Союзе как уникального или не столь уникального, «нормального», «крайнего», «отклоняющегося» или «альтернативного» по сравнению с «модерностью» или «модерностями» в других странах;

в) помещением России и СССР в более широкое воображаемое Истории, отражает ли оно модель универсалистской «западной» модерности или более поздние представления о «множественных» или (несистемно) «переплетенных» модерностях.

Иными словами, создается впечатление, что на протяжении последних лет двадцати специалисты по истории России и Советского Союза исследовали и обсуждали проблематику русско-советской «модерности» в основном в контексте продолжающегося авторефлексивного вопрошания о положении их собственного предмета и их научной «территории», даже когда это происходило в попытке перевести дискуссию о России и Советском Союзе на «транснациональную» почву.

«Модерность» создавалась в России и СССР по-разному разными «создателями». Культурные представления, возникавшие на Западе с эпохи Просвещения, разумеется, придавали определенную форму разыгрыванию «модерности» у русской элиты, но, как нам известно, всегда в (разнообразно) видоизмененном виде в специфических для России лингвистических, культурных, социальных и политических обстоятельствах. Это подразумевало демонстрацию «европейской модерности» в различных целях, различными средствами и под разными углами, с разными участниками, так или иначе позиционировавшими себя по отношению к ней — часто намеренно выбиравшими периферийную позицию, совмещавшими роли наблюдателя и участника.

После Первой мировой войны идея «общего» («европейского») цивилизационного проекта, конечно, пошатнулась, позволяя новым деятелям на исторической арене, таким, как большевики, пользоваться своей новообретенной властью не только для того, чтобы воплотить новые формы «модерности», но и для того, чтобы посредством «революционного» воображаемого продвинуть свой коммунистический проект на «передовую позицию» Истории. Другими словами, те, в чьи руки перешла власть, поставили свои (на самом деле разно-

образные и постоянно меняющиеся) представления о социализме в совсем новые отношения к Истории.

Динамику конфликтного раскола проектов «модерности» между СССР, США, Европой и Азией, по мере того как мир погружался во Вторую мировую войну и восстанавливался после нанесенных ею разрушений, непременно надо анализировать в транснациональном ключе. Однако это не подразумевает необходимости решать вопрос, является ли сталинский период «модерным» или нет, в какой степени и в каком смысле. Интересно другое — например, то, что сопутствовавшая сталинизму в 1930-е годы «советизация» различных сфер деятельности иногда осознанно проблематизировала установки, связанные с концептом «универсального», особенно те, которые раньше выражались через понятия «европейского» или «международного». И это, несомненно, оказало сложное воздействие на некоторые традиционно важные области «создания» «модерности» — такие, например, как «наука». Это существенно повлияло на институциональную динамику и эпистемологическую логику советской науки в сталинский период.

Новые способы «создания» «модерности», которые прослеживаются во второй половине XX века — когда на «передовую позицию», пожалуй, весьма успешно выдвинули себя Соединенные Штаты, — также наводят на мысль о необходимости изучения путей, какими различные воплощения «модерности» распространялись (или не распространялись) по миру, видоизменяясь в процессе. Эпоха холодной войны интересна тем, что «переплетения» становятся особыми способами, благодаря которым на фоне соревнования супердержав создаются новые разновидности норм «модерности», и их содержание варьирует между различными сферами — от образования или развития личности до переосмысления политического субъекта или преобразования культуры повседневной жизни.

Я, безусловно, согласен с основным посылом Майкла Дэвид-Фокса: во-первых, что специалистам по истории России и СССР пора обратиться к проблеме «модерности», в том числе понять различные ее установки, проявления и представления о ней, всегда под транснациональным углом; и, во-вторых, что этот вопрос следует рассматривать с точки зрения переплетенных множественностей. Однако еще более существенно, чтобы идея «модерности» в ходе такого анализа не стала предметом овеществления, реификации, чему понятия «множественности» и «переплетения» не препятствуют сами по себе.

Подобным образом, хотя сравнение остается, как и всегда, действенным аналитическим инструментом, при исследовании транснациональной природы «модерности» важно не *застрять* в выяснениях того, что от чего отличается и на что похоже, и не думать, что определение различий и сходств — конечная цель интерпретации. Это особенно важно, если мы будем стремиться использовать такие сравнения как способ поместить Россию и Советский Союз в рамки какого-то более широкого исторического воображаемого, которое будет, пусть и косвенно, проявляться в выбранных нами критериях сравнения.

Пер. с англ. Татьяны Пирусской